ДК
188
.16
П2Ж

ЛІОТЕКА СВОБОДНАГО ГРАЖДАНИНА",
подъ ред. С. В. Вознесенскаго.
ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦІОННЫЙ. № 3.

К. А. ПАЖИТНОВЪ.

Первые русскіе соціалисты.

(Французскій утопическій соціализмъ въ Россіи 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX стол.).

Цѣна 35 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе Н. Н. КАРБАСНИКОВА.
1917.

„БИБЛІОТЕКА СВОБОДНАГО ГРАЖДАНИНА“,
подъ ред. С. В. Вознесенскаго.
Изд. Н. Н. КАРБАСНИКОВА.
Петроградъ, Гостиный дв. (внутри), № 67; тел. 2-26-60.

Отдѣлъ политическій:

1) **Тхоржевскій, С. И.** Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Ц. 30 к.
2) **Лаврентьевъ, Д. К.** Что такое монархія и что такое республика и какія права должны быть у гражданъ. Ц. 25 к.
3) **Гессенъ, С. І.,** пр.-доц. Политич. свобода и соціализмъ. Ц. 45 к.
4) **Динзе, В. Ѳ.** Что такое автономія. Ц. 25 к.
5) **Вульфіусъ, А. Г.** проф. Свобода совѣсти. Ц. 40 к.
6) **Яновскій, А. Ѳ.** Глава республики — президентъ.
7) **Осинскій, М.** О гражданскихъ свободахъ. Ц. 35 к.
8) **Тхоржевскій, С. И.** Государственный строй Англіи. Ц. 50 к.
9) **Гессенъ, С. І.,** пр.-доц. Свобода и дисциплина. Ц. 40 к.
10) **Ярошевскій, А. Г.,** Государственный строй Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.
11) **Динзе, В. Ѳ.** Что такое федерализмъ.
12) **Гизетти, А. А.** Соціализмъ и индивидуализмъ.
13) **Ѳедотовъ, Г. П.,** пр.-доц. Тайна государства.
14) **Ѳедотовъ, Г. П.,** пр.-доц. Классовая борьба.
15) **Дмитріевичъ, Д. И.,** секретарь сербской миссіи. Право націи на самоопредѣленіе.
16) **Осинскій, М. А.** Церковь и государство.
17) **Клейнбортъ, Л. Н.** О партіяхъ и партійности. Ц. 35 к.
18) **Гессенъ, С. І.,** пр.-доц. Демократія и демагогія.

Отдѣлъ соціально-экономическій:

1) **Вознесенскій, С. В.** Профессіон. союзы рабочихъ. Ц. 40 к.
2) **Гудванъ, М. А.** Нормировка труда торговопромышленныхъ служащихъ. Ц. 40 к.
3) **Марголинъ, С.** Примирительныя камеры.
4) **Клейнбортъ, Л Н.** Отчего въ Россіи не стало хлѣба? Ц. 40 к.
5) **Вознесенскій, С. В.** Очеркъ исторіи рабочаго законодательства въ Россіи.
6) **Клейнбортъ, Л. Н.** Подоходный налогъ.
7) **Ра-вичъ.** Биржи труда.
8) **Бонди, Б. А.** Аграрный вопросъ.

Отдѣлъ историко-революціонный:

1) **Поліевктовъ, М. А.,** проф. Родоначальники русской революціи — декабристы. Ц. 40 к.
2) **Пажитновъ, К. А.** Фурьеризмъ въ Россіи въ концѣ 1840-хъ год. („Петрашевцы“). Ц. 35 к.
3) **Пажитновъ, К. А.** Первые соціалисты въ Россіи (русскій сенъ-симонизмъ 30-хъ гг.). Ц. 35 к.
4) **Поліевктовъ, М. А.** проф. Народничество и Народная Воля.
5) **Вознесенскій, С. В.** Очеркъ развитія соц.-демок. въ Россіи.
6) **Гизетти, А. А.** Основы „народническаго“ соціализма.
7) **Іорданскій, Н. И.** Земскій либерализмъ въ Россіи.
8) **Поліевктовъ, М. А.** проф. Русское земство въ борьбѣ за политическую свободу.
9) **Ярошевскій, А. Г.,** пр.-доц. Французская революція 1848 г.
10) **Ярошевскій, А. Г.,** пр.-доц. Парижская коммуна 1871 г.
11) **Кржевскій, Б. А.** пр.-доц. Якобинцы и якобинство.

„Пров 38"

Первые русскіе соціалисты.

Когда Петръ Великій прорубалъ своей мощной рукой окно въ Европу, онъ, конечно, не могъ предвидѣть, сколько усилій будетъ затрачено его преемниками на то, чтобы заколотить его снова, и сколькихъ хлопотъ будетъ имъ стоить борьба съ хлынувшимъ оттуда потокомъ новыхъ идей, воззрѣній и стремленій, выработанныхъ болѣе развитой жизнью Запада. Вслѣдъ за вольнодумствомъ „вольтерьянцевъ", т. е. французскихъ просвѣтителей, и за идеями Великой Французской Революціи стали распространяться у насъ—начиная съ 30-хъ годовъ XIX вѣка — и новыя соціальныя ученія, выработанныя великими утопистами начала прошлаго столѣтія — Сенъ-Симономъ, Ш. Фурье и Р. Оуэномъ. Но тамъ, на Западѣ, это новое умственное теченіе, окрещенное неизвѣстнымъ дотолѣ именемъ соціализма, выросло на почвѣ движеній среди рабочаго класса, какъ результатъ выступленія на историческую сцену четвертаго сословія и какъ первая, несовершенная попытка дать отвѣтъ на предъявленные имъ запросы. У насъ же въ Россіи, гдѣ надъ народомъ еще тяготѣло проклятіе крѣпостного права, а общественная жизнь высшихъ классовъ, зажатая въ суровые тиски Николаевскаго режима, едва-едва теплилась, — соціалистическія идеи, естественно, могли найти себѣ пріютъ только въ узкихъ кругахъ радикальной интеллигенціи. Однако въ то мрачное время даже частная критика существующаго строя или простое недонесеніе о ней правительству считались за тяжкое преступленіе, и потому даже въ невинной формѣ чтенія въ кружкахъ увлеченіе новыми идеями подвергалось жестокому гоненію и преслѣдованіямъ. Такая судьба постигла между прочимъ Герцена, Огарева и ихъ друзей, увлекшихся сенъ-симонистскимъ ученіемъ.

Сенъ-Симонъ (1760—1825 г. г.) принадлежалъ къ знатному роду и получилъ прекрасное образованіе, имѣя среди своихъ учителей знаменитаго математика и философа Даламбера. Онъ началъ съ военной службы, но затѣмъ перемѣнилъ цѣлый рядъ занятій, пока наконецъ не пришелъ къ убѣжденію, что его призваніе —

преобразовать науку. Дѣйствительно, его произведенія, изъ которыхъ главнѣйшими является „Промышленная система", „Катехизисъ промышленника" и „Новое христіанство", сыграли огромную роль въ развитіи современной мысли, особенно въ области общественныхъ наукъ. Въ своей книгѣ „Промышленная система" Сенъ-Симонъ указываетъ, что человѣчество неизмѣнно проходитъ въ своемъ развитіи три стадіи. Первая изъ нихъ характеризуется господствомъ духовенства въ области духа и военнаго класса — въ области матеріальной жизни. На второй ступени мѣсто духовенства занимаютъ философы-метафизики, а мѣсто военныхъ — юристы и законовѣды. Наконецъ, на послѣдней ступени господство въ области духовныхъ интересовъ принадлежитъ ученымъ, а въ области интересовъ матеріальныхъ — промышленнымъ классамъ. Въ средніе вѣка господствующими классами въ Европѣ были поземельная военная аристократія и духовенство, ибо въ нихъ сосредоточивались источники національной силы. На поземельномъ дворянствѣ лежала важнѣйшая обязанность того времени — оборона страны, и средневѣковые рыцари были не праздными людьми, а самыми нужными работниками, въ которыхъ всего болѣе нуждалось общество, для того, чтобы имѣть возможность заниматься мирнымъ трудомъ. Что же касается духовенства, то въ его рукахъ находился другой источникъ силы — знаніе; оно сосредоточивало въ себѣ все просвѣщеніе, всѣ знанія среднихъ вѣковъ. Этотъ соціальный строй держался въ теченіе многихъ столѣтій, ибо онъ находился въ полной гармоніи съ состояніемъ общественныхъ силъ. Промышленность была въ младенческомъ состояніи и война считалась важнѣйшимъ занятіемъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ военное сословіе господствовало въ обществѣ и въ его рукахъ сосредоточивалась земельная собственность, а промышленные классы находились въ подчиненіи. Точно также въ области духовныхъ интересовъ, при низкомъ уровнѣ умственнаго развитія того времени и при младенческомъ состояніи точныхъ наукъ, естественно должно было господствовать духовенство.

Но мало по малу промышленный классъ, находившійся долгое время въ рабствѣ у поземельнаго дворянства, достигъ сначала личной свободы, а затѣмъ и экономическаго благосостоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ рыцарству, какъ военному сословію, изобрѣтеніемъ пороха былъ нанесенъ смертельный ударъ, и главнымъ условіемъ военнаго могущества становится отнынѣ уже экономическая и финансовая мощь государства. Соотвѣтственно съ этимъ значеніе поземельнаго дворянства падаетъ, а промышленныхъ классовъ растетъ, и въ ихъ руки мало-по-малу переходитъ бо́льшая часть движимой и недвижимой собственности, а затѣмъ и политическая власть.

Въ это же время развитіе научныхъ знаній привело въ умственной области къ утратѣ преобладающаго положенія духовенства; умственными вождями общества становятся представители науки. Такимъ образомъ, и свѣтская и духовная власть въ обществѣ перешла отъ однихъ классовъ къ другимъ, и именно это обстоятельство было главной причиной Великой Французской Революціи. Но этотъ переворотъ еще не закончился; до сихъ поръ революція только разрушала, теперь она должна созидать. Переходный періодъ долженъ закончиться возникновеніемъ новаго политическаго и соціальнаго порядка, гармонирующаго съ новымъ состояніемъ общества. Въ этомъ строѣ будущаго, который Сенъ-Симонъ назвалъ промышленной системой, духовная власть должна сосредоточиться въ рукахъ ученыхъ, а свѣтская — перейти въ руки фактическихъ руководителей производства — промышленниковъ. Но что же разумѣется подъ этими промышленниками — предприниматели или рабочіе? Въ этомъ отношеніи взгляды самого Сенъ-Симона не отличаются полной законченностью и опредѣленностью: подъ промышленными классами онъ обыкновенно разумѣлъ не только рабочихъ, но и предпринимателей-капиталистовъ, противопоставляя ихъ классу землевладѣльцевъ и праздныхъ банкировъ. Вѣрно угадывая огромное значеніе классовой борьбы въ общественномъ развитіи и будучи однимъ изъ первыхъ писателей, разсматривавшихъ исторію Франціи послѣднихъ вѣковъ, какъ борьбу землевла-

дѣльческой аристократіи съ промышленнымъ классомъ, онъ однако мало обращалъ вниманія на глубочайшій антагонизмъ современнаго общества — именно борьбу между трудомъ и капиталомъ. Но симпатіи его всецѣло были на сторонѣ рабочаго класса. Въ своемъ послѣднемъ предсмертномъ сочиненіи „Новое христіанство" онъ указываетъ, что главнымъ недостаткомъ существующихъ религіозныхъ системъ является то, что онѣ не преслѣдуютъ цѣли улучшенія участи бѣдняковъ, и основною заповѣдью своего преобразованнаго христіанства выставляетъ слѣдующее положеніе: „Религія должна направить общество къ высокой цѣли возможно скораго улучшенія участи самаго бѣднаго и самаго многочисленнаго общественнаго класса." Эта заповѣдь должна быть положена въ основу дѣятельности всѣхъ общественныхъ учрежденій. Точно также въ своей „Промышленной системѣ" Сенъ-Симонъ указываетъ, что государство должно прежде всего позаботиться объ обезпеченіи участи пролетаріевъ, при чемъ работоспособнымъ должна быть гарантирована работа, а неспособнымъ къ ней — содержаніе. Умирая, Сенъ-Симонъ сказалъ ученикамъ, что вся его жизнь резюмируется одной мыслью: обезпечить всѣмъ людямъ возможно большее развитіе ихъ способностей, и указать способъ, которымъ можно достигнуть этого — именно организацію особой партіи рабочихъ. Завѣщаніе это было воспринято небольшой кучкой учениковъ, во главѣ которыхъ стояли Базаръ и Анфантенъ. До революціи 1830 г. сенъ-симонисты почти не обращали на себя общественнаго вниманія. Но когда тронъ Бурбоновъ былъ опрокинутъ и Франціи предстояло опредѣлить новый государственный строй, то черезъ нѣсколько дней послѣ революціи парижане увидѣли на стѣнахъ домовъ манифестъ никому неизвѣстной школы, подписанный именами — „Базаръ-Анфантенъ, провозвѣстники ученія Сенъ-Симона". Въ этомъ манифестѣ требовалось уничтоженіе всѣхъ привилегій рожденія, права наслѣдства и провозглашался новый принципъ распредѣленія общественныхъ благъ: „отъ каждаго — по его способности и каждому — по его дѣламъ."

Манифестъ сенъ-симонистовъ вызвалъ удивленіе и смѣхъ, но о нихъ заговорили. Не только въ Парижѣ, но и въ провинціи возникло нѣсколько центровъ пропаганды, откуда миссіонеры отправлялись по всей Франціи, чтобы распространять ученіе Сенъ-Симона и насаждать религію братства. Въ Парижѣ образовалось особое „семейство", получившее характеръ правильно организованной религіозной общины; во главѣ ея стояли Анфантенъ и Базаръ съ титуломъ „верховныхъ отцовъ". Въ мастерскихъ общины работало временами до четырехъ тысячъ человѣкъ, а ежегодный бюджетъ ея превышалъ 200,000 фр. Но эти успѣхи были мимолетны: въ концѣ 1831 г. въ „семействѣ" произошелъ расколъ между верховными отцами по вопросу о положеніи женщины въ новой церкви, и оно распалось. Вскорѣ затѣмъ Анфантену пришлось предстать передъ судомъ, который приговорилъ его къ тюремному заключенію.

Въ это именно время отголоски сенъ-симонизма проникли и къ намъ въ Россію.

Разгромъ политическаго движенія двадцатыхъ годовъ XIX вѣка, связаннаго съ именемъ декабристовъ, вызвалъ сильную реакцію сверху и совершенно обезсилилъ оппозиціонные элементы дворянства и нарождающейся интеллигенціи. Общественная жизнь замерла: говоря словами кн. Вяземскаго, въ Россіи не было въ то время общества, а было одно народонаселеніе... Правда, образъ декабристовъ оставался въ памяти молодого поколѣнія, и ихъ примѣръ звалъ на продолженіе борьбы за освобожденіе народа. „Въ нравственномъ отношеніи вліяніе событія 14 декабря, — говоритъ Герценъ,—было огромно; пушки на Исаакіевской площади разбудили цѣлое поколѣніе." Однако, нужно было нѣсколько десятилѣтій, чтобы русская жизнь могла оправиться отъ этого удара, и во всякомъ случаѣ интересъ къ вопросамъ политической свободы, т. е. введенію конституціи въ Россіи замираетъ почти до конца Николаевскаго царствованія.

Робкое пробужденіе общественной мысли начинается послѣ 1830 г.—среди университетской молодежи въ Москвѣ, гдѣ образовалось два получившихъ извѣстность кружка, одинъ изъ которыхъ отражалъ на

себѣ вліяніе нѣмецкой философской мысли, а другой — идеи французскихъ соціалистовъ. Во главѣ этого послѣдняго стояли Герценъ и Огаревъ. Основаніе кружку было положено осенью 1831 г., когда они перешли на второй курсъ университета. Мечтою ихъ было основать ядро общества, подобнаго декабристамъ, но скоро имъ попались въ руки также брошюры сенъ-симонистовъ и изложенія процессовъ ихъ, послужившія для нихъ новымъ откровеніемъ. „Что мы собственно проповѣдовали, — говоритъ самъ Герценъ, — трудно сказать. Идеи были смутны. Мы проповѣдовали декабристовъ и французскую революцію, потомъ проповѣдовали сенъ-симонизмъ и ту же революцію, мы проповѣдовали конституцію и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обществѣ. Но пуще всего проповѣдовали ненависть ко всякому насилію, ко всякому правительственному произволу". Однако, доминирующимъ среди всѣхъ остальныхъ элементовъ является именно соціальный: „сенъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ". Съ самаго появленія его, а именно „послѣ 1830 г., соціализмъ произвелъ сильное впечатлѣніе на умы въ Москвѣ. Въ этой доктринѣ въ Россіи видѣли выраженіе чувства, болѣе отвѣчающаго основнымъ стремленіямъ нашей души, чѣмъ чисто политическія теченія, ибо у насъ уже привыкли къ общинѣ, передѣлу земель, къ рабочимъ артелямъ. Свидѣтели самаго крайняго злоупотребленія правомъ собственности, мы были менѣе возмущены соціализмомъ, чѣмъ буржуа Запада." Въ 1834 г. члены кружка были арестованы и посажены въ тюрьму; имъ поставили въ вину намѣреніе образовать тайное общество и заняться сенъ-симонистской пропагандой и прочитали смертный приговоръ, послѣ чего сообщили о послѣдовавшемъ смягченіи наказанія, въ видѣ ссылки, которая продолжалась пять лѣтъ.

Вышеприведенныя цитаты могутъ возбудить, пожалуй, нѣкоторое недоумѣніе, и для правильнаго пониманія ихъ нужно замѣтить, что въ дальнѣйшей эволюціи взглядовъ Герцена сенъ-симонизмъ перестаетъ уже играть

ту опредѣляющую роль, о которой здѣсь говорится; затѣмъ, фраза о „привычкѣ“ къ общинѣ, артели и пр. нѣсколько погрѣшаетъ противъ хронологіи, ибо говорить объ этомъ у насъ начали не въ первой половинѣ 30-хъ годовъ, къ которой относится существованіе перваго соціалистическаго кружка, а, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять позже.

За предѣлы этой небольшой группы новыя идеи проникали туго, и гораздо болѣе многочисленъ былъ другой кружокъ, который увлекался исключительно философскими вопросами. Душою этого кружка былъ Станкевичъ, а въ составъ его входили Боткинъ, Бѣлинскій, Бакунинъ, Грановскій, нѣкоторое время К. Аксаковъ и Самаринъ, а позже примкнули Катковъ, Кудрявцевъ, Кавелинъ и др. Здѣсь зачитывались произведеніями Шеллинга, Фихте и Гегеля, дебатировались вопросы эстетики и литературы, къ политическимъ же и соціальнымъ темамъ относились болѣе, чѣмъ равнодушно. По словамъ Анненкова, Герценъ и его кружокъ „смотрѣли очень подозрительно на Станкевича и Грановскаго, отзывались враждебно и насмѣшливо объ ихъ занятіяхъ, какъ о пріятномъ препровожденіи времени, найденномъ досужими людьми. Герценъ носился, на первыхъ порахъ, со своимъ Сенъ-Симономъ, какъ съ Кораномъ, и разсказываетъ въ собственныхъ запискахъ, что, явясь однажды къ Н. А. Полевому, назвалъ его отсталымъ человѣкомъ за равнодушный отзывъ о реформаторѣ.“ Въ свою очередь другой кружокъ „принялъ его (Герцена) довольно холодно и не скрывалъ, что считаетъ его человѣкомъ еще неразвитымъ и отсталаго образа мыслей.“ Какъ сообщаетъ онъ самъ въ „Быломъ и Думахъ“, „между нашимъ кругомъ и кругомъ Станкевича не было большой симпатіи. Имъ не нравилось наше почти исключительно политическое направленіе, намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фрондерами и французами, мы ихъ сентименталистами и нѣмцами“...

Для характеристики того настроенія и взглядовъ, которые господствовали въ этомъ послѣднемъ кружкѣ, чрезвычайно большой интересъ представляетъ письмо

Бѣлинскаго, относящееся къ осени 1837 г. „Только въ философіи ты найдешь отвѣты на вопросы души твоей, только она дастъ миръ и гармонію душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастіемъ, какого толпа и не подозрѣваетъ, — писалъ онъ своему пріятелю. — Пуще всего оставь политику и бойся всякаго политическаго вліянія на свой образъ мыслей. Политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла, и ею могутъ заниматься только пустыя головы. Люби добро и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства, тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшей страной въ мірѣ... Для Россіи назначена совсѣмъ другая судьба, нежели для Франціи, гдѣ политическое направленіе и наукъ, и искусства, и характера жителей имѣетъ свой смыслъ, свою хорошую сторону... Если хочешь понять назначеніе Россіи, прочти исторію Петра Великаго, — она объяснитъ тебѣ все. Ни у какого народа не было такого государя. Всѣ великіе государи другихъ народовъ ниже Петра... Петръ есть ясное доказательство, что Россія не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свою свободу, но получитъ то и другое отъ своихъ царей, такъ какъ уже многое получила отъ нихъ того и другого. Правда, мы еще не имѣемъ правъ, мы—еще рабы, если угодно, но это оттого, что мы еще должны быть рабами. Россія — еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости... Дать Россіи въ теперешнемъ ея состояніи конституцію — значитъ погубить Россію. Въ понятіи нашего народа свобода есть воля, а воля — озорничество. Не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакъ побѣжалъ бы пить вино, бить стекла и вѣшать дворянъ, которые брѣютъ бороды и ходятъ въ сюртукахъ, а не въ зипунахъ... Свобода конституціонная есть свобода условная, а истинная, безусловная свобода настаетъ въ государствѣ съ успѣхами просвѣщенія, основаннаго на

философіи умозрительной, а не эмпирической, на царствѣ чистаго разума, а не пошлаго здраваго смысла... Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя свобода пріобрѣтается сознаніемъ. И такимъ-то прекраснымъ путемъ достигнетъ свободы наша Россія. Наше правительство не позволяетъ писать противъ крѣпостного права, а между тѣмъ исподволь освобождаетъ крестьянъ. Посмотри, какъ благодаря тому, что у насъ нѣтъ майоратства, издыхаетъ наше дворянство само собой, безъ всякихъ революцій и внутреннихъ потрясеній. И если у насъ будутъ дѣти, то, доживя до нашихъ лѣтъ, они будутъ знать о крѣпостномъ правѣ, какъ о фактѣ историческомъ, какъ о дѣлѣ прошедшемъ. И все это сдѣлается безъ заговоровъ и бунтовъ и потому сдѣлается прочнѣе и лучше. Давно ли мы съ тобой живемъ на свѣтѣ, давно ли помнимъ себя, и ужъ посмотри, какъ перемѣнилось общественное мнѣніе, много ли теперь осталось тирановъ-помѣщиковъ, а которые остались, не презираютъ ли ихъ самые помѣщики? Видишь ли, что и въ Россіи все идетъ къ лучшему."

Это оптимистически-философское отношеніе къ дѣйствительности и — въ частности — къ крѣпостному праву тѣмъ болѣе рѣзко бросается въ глаза, что свою литературную дѣятельность Бѣлинскій началъ трагедіей, заключавшей въ себѣ энергичный протестъ противъ крѣпостного права. „Въ этомъ сочиненіи, — писалъ онъ роднымъ, — со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ довольно живой и вѣрной представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ"...

Когда Герценъ послѣ возвращенія изъ ссылки познакомился въ 1839 г. съ Бакунинымъ и Бѣлинскимъ, между ними начались ожесточенныя пренія по поводу увлеченія послѣднихъ тезисомъ Гегеля: что дѣйствительно, то разумно, и что разумно, то дѣйствительно. „Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія вы можете до-

казать, что чудовищное самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно и должно существовать, — сказалъ Герценъ, думая поразить своихъ собесѣдниковъ. „Безъ всякаго сомнѣнія", — отвѣтилъ Бѣлинскій и прочелъ ему „Бородинскую годовщину" Пушкина. „Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ сношенія. Бакунинъ хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться... Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступчивости и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ собственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ свысока".*)

Скоро, однако, такое примиреніе съ россійской дѣйствительностью стало проходить. „Около сороковыхъ годовъ, — писалъ впослѣдствіи Герценъ, — жизнь изъподъ туго придавленныхъ клапановъ стала сильнѣй прорываться. По всей Россіи прошла едва уловимая перемѣна, та перемѣна, по которой врачъ замѣчаетъ прежде отчета и пониманія, что въ болѣзни есть поворотъ къ лучшему, что силы очень слабы, но будто поднялись, — другой тонъ... Наружно все было мертво, подо льдомъ, но что-то пробудилось въ сознаніи, въ совѣсти, — какое-то чувство неловкости, неудовольствія. Ужасъ приступился, людямъ надоѣло въ полумракѣ темнаго царства."

Послѣ смерти Станкевича въ 1840 г. и отъѣзда Бакунина за границу, гдѣ онъ черезъ два года перешелъ на сторону лѣваго крыла гегельянцевъ и примкнулъ къ крайнимъ элементамъ западно-европейскаго демократическаго движенія, большая часть членовъ кружка сблизилась съ Герценомъ и Огаревымъ, образовавъ лагерь западниковъ, а другіе примкнули къ кружку славянофиловъ съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ во главѣ. Въ то же время значительно возросъ въ кругахъ интеллигенціи и интересъ къ соціалистическимъ теоріямъ, какъ новому слову западной общественной жизни.

„Когда осенью 1843 г. я прибылъ въ Петербургъ, — сообщаетъ П. В. Анненковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, —

*) Къ этому періоду крайняго увлеченія Гегелемъ относятся „Очерки Бородинскаго сраженія", статья о Менцелѣ и др., о которыхъ впослѣдствіи Бѣлинскій самъ отзывался съ отвращеніемъ.

то далеко не покончилъ всѣ расчеты съ Парижемъ, а, напротивъ, встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной его жизни. Книга Прудона о собственности, тогда уже почти что старая; „Икарія“ Кабэ, мало читаемая въ самой Франціи, за исключеніемъ небольшого круга мечтательныхъ бѣдняковъ-работниковъ; гораздо болѣе ея распространенная и популярная система Фурье — все это служило предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чаяній всякаго рода... Та часть вѣрныхъ и зрѣлыхъ практическихъ указаній, какая заключалась въ этихъ трактатахъ и которыми европейскій міръ не замедлилъ воспользоваться, — всего менѣе обращала на себя наше вниманіе, да и не въ томъ было вообще призваніе трактатовъ на Руси. Въ промежутокъ 1840—43 гг. такіе трактаты должны были совершить окончательный переворотъ въ философскихъ исканіяхъ русской интеллигенціи и сдѣлали это дѣло вполнѣ. Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху, подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ, а нѣсколько позднѣе, чего не было съ прежними теоріями, и своихъ мучениковъ. Теоріи Прудона, Фурье, къ которымъ позднѣе присоединился Луи-Бланъ съ извѣстнымъ трактатомъ объ организаціи труда, образовали у насъ особенную школу, гдѣ всѣ эти ученія жили въ смѣшанномъ видѣ и исповѣдались какъ-то заразъ адептами (послѣдователями) ея.“

Наиболѣе дѣятельнымъ пропагандистомъ новыхъ идей въ Россіи является въ то время М. В. Петрашевскій. По словамъ Дм. Ахшарумова, „это былъ человѣкъ сильной души, крѣпкой воли, много трудившійся надъ саморазвитіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій и неустанно дѣятельный.“ За восемь лѣтъ до ареста весною 1849 г. у него перебывало, по его собственнымъ словамъ, очень много лицъ, которыя разъѣхались потомъ по разнымъ городамъ. Обладая хорошей библіотекой онъ охотно давалъ книги всѣмъ просившимъ и даже снабжалъ ими уѣзжавшихъ. Такимъ образомъ, отдѣль-

ные адепты ученія французскихъ соціалистовъ завелись теперь уже и въ провинціи.

Будучи человѣкомъ очень начитаннымъ и желая раздвинуть рамки пропаганды, Петрашевскій составилъ въ 1845 г. при содѣйствіи литературнаго критика В. Майкова „Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка," гдѣ разъяснялась попутно сущность новыхъ соціалистическихъ ученій. Такъ, въ статьѣ натуральное право объявляется „несовершенной и преходящей формой быта... всякое общество, не доставляющее положительно всѣхъ нужныхъ средствъ для всесторонняго развитія его членовъ," а въ объясненіи слова натуральное состояніе утверждается, что „золотой вѣкъ" лежитъ не позади, а впереди насъ, и что осуществленіе его будетъ состоять въ „полномъ благоденствіи и счастіи всякаго человѣка," при чемъ дѣлаются ссылки на „различныя новѣйшія сочиненія, особенно соціальныя", напр., Шарля Фурье: „Трактатъ о домашней и земледѣльческой ассоціаціи" или „Теорія всеобщаго единства"... При нормальномъ состояніи всякій изъ членовъ общества будетъ получать отъ него „средства для удовлетворенія нуждъ пропорціонально потребностямъ," а всѣ люди въ совокупности явятся полными властелинами живыхъ и дѣйствующихъ силъ земли, и такимъ образомъ „все, что считается трудомъ удручающимъ, отвратительнымъ, обратится въ источникъ непосредственнаго наслажденія жизнью." Далѣе, подъ словомъ Овенизмъ излагаются взгляды Роберта Оуэна; слово органическая эпоха даетъ автору поводъ изложить теорію Сенъ-Симона, а слово организація производства — теорію Фурье, „преимущественно замѣчательную потому, что она не исключаетъ и не приноситъ ни одного изъ агентовъ производства (таковыми являются трудъ, капиталъ и талантъ) въ жертву другого и черезъ это дѣлаетъ безусловно возможнымъ установленіе солидарности интересовъ, нимало не оскорбляя уже установившихся общественныхъ отношеній." Въ словѣ оракулъ разъясняется, что „ученіе Христово, въ первобытной чистотѣ своей, нанесло сильный ударъ всѣмъ возмож-

нымъ пиѳіямъ и прорицателямъ, изобличило ихъ хищничество, коварство, деспотизмъ и въ противоположность тому являетъ примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя основнымъ догматомъ милосердіе, а цѣлью — водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности. Какъ ни прекрасно начало сего ученія, но оно еще не получило нормальнаго развитія"... Благодаря, вѣроятно, тому, что онъ былъ посвященъ великому князю Михаилу Павловичу, словарь не обратилъ на себя первоначально вниманія цензуры, и первый выпускъ благополучно вышелъ въ свѣтъ, но второй уже подвергся задержанію, ибо въ цензурѣ нашли, что статьи словаря, составляясь по извѣстной энциклопедіи Пьера Леру, проникнуты тлетворными идеями. Нѣсколько позже, въ извѣстныхъ запискахъ агента министерства внутрен. дѣлъ Липранди „Карманный словарь" характеризовался уже, какъ „наполненный ядомъ соціализма, коммунизма и прочихъ современныхъ безумствъ."

Съ начала 40 хъ годовъ и Бѣлинскій порываетъ со своимъ увлеченіемъ философіей и проповѣдью примиренія съ дѣйствительностью, вступая въ новую, послѣднюю фазу своего развитія. „Проклинаю мое стремленіе къ примиренію съ гнусной дѣйствительностью!..— писалъ онъ Боткину 4 окт. 1840 г. — Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма! — какъ восклицалъ великій Пушкинъ. Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества."

Но такъ какъ для всесторонняго развитія личности нужны благопріятныя общественныя условія, то Бѣлинскій весь отдается тому увлеченію соціальными вопро, самп, которое охватило тогда передовую интеллигенцію- зачитываясь Жоржъ-Зандомъ, Кабэ, Фурье, Прудономъ, Луи-Бланомъ, Фейербахомъ. Подобно Бакунину, онъ отъ крайняго праваго гегельянства перешелъ на крайнее лѣвое его крыло. „Я теперь въ новой крайности — это идея соціализма, которая стала для меня бытіемъ бытія, идеею идей, альфой и омегой вѣры и знанія. Она поглотила и исторію, и религію, и философію", — пишетъ Бѣлинскій Боткину въ сентябрѣ 1841 г. Соці-

альность—вотъ девизъ, который онъ выставляетъ теперь. и „нѣтъ ничего выше и благороднѣе—по его мнѣнію—какъ способствовать ея развитію и ходу"..-

Если раньше онъ считалъ либерализмъ крикливымъ легкомысліемъ, а французовъ — пустымъ народомъ, то теперь взгляды его на этотъ предметъ круто измѣнились. „Идея либерализма въ высшей степени разумная и христіанская, ибо его задача — возвращеніе правъ личнаго человѣка, возстановленіе человѣческаго достоинства... Конечно, французы не понимаютъ абсолютнаго ни въ искусствѣ, ни въ религіи, ни въ знаніи, да не это ихъ назначеніе; Германія нація абсолютная, но государство позорное". „Французы же, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — энергическій, благородный народъ, льющій кровь свою за священнѣйшія права человѣка"...

Увлеченіе соціализмомъ достигло такой степени остроты, что на этой почвѣ въ московскомъ западническомъ кружкѣ произошло раздѣленіе между Герценомъ и Бѣлинскимъ, съ одной стороны, и Грановскимъ — съ другой, окончившееся въ 1846 г. разрывомъ.

Какъ разсказываетъ въ цитированныхъ уже нами воспоминаніяхъ Анненковъ, „признавая европейскій соціализмъ явленіемъ, которое уже не можетъ быть оставлено безъ вниманія ни историкомъ ни вообще мыслящимъ человѣкомъ, Грановскій смотрѣлъ на него, какъ на болѣзнь вѣка, тѣмъ болѣе опасную, что она не ждетъ и не ищетъ помощи ни откуда. „Соціализмъ,— говорилъ онъ, — чрезвычайно вреденъ тѣмъ, что пріучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя и ее подрываетъ." Иначе относились къ этому Герценъ и Бѣлинскій. „Воинственные манифесты соціализма, возвѣщавшіе истребительный походъ его на европейскую цивилизацію, не приводили ихъ въ ужасъ. Конечно, ни у того, ни у другого не было и помина объ усвоеніи всѣхъ его предписаній или о превращеніи всѣхъ его претензій въ догматы собственной своей „вѣры". Но во всякомъ случаѣ оба они смотрѣли прямо и открыто въ лицо всѣмъ симптомамъ разложенія, грозившимъ, по ихъ

мнѣнію, Европѣ со стороны соціализма, не призывая, но и не ужасаясь развалинъ, которыя онъ долженъ произвести. Они думали, что изъ пепла старой цивилизаціи Европы возникнетъ фениксъ — новый порядокъ вещей, какъ вѣнецъ и послѣднее слово ея тысячелѣтняго развитія. Всѣ предчувствія переворота, напротивъ, тревожили Грановскаго въ высшей степени, и самый переворотъ, какъ онъ представлялся его уму, не вызывалъ у него ни малѣйшей симпатіи, никакихъ радужныхъ надеждъ или ожиданій."

Мало симпатизировалъ онъ и тѣмъ разрушительнымъ стремленіямъ въ области философіи, которыя исходили отъ лѣвыхъ гегельянцевъ.

„Можно сказать, что нигдѣ книга Фейербаха не произвела такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ въ нашемъ западномъ кругу, нигдѣ такъ быстро не упраздняла остатки всѣхъ прежнихъ, предшествовавшихъ ей созерцаній. Герценъ, разумѣется, явился горячимъ истолкователемъ ея положеній и заключеній, связывая между прочимъ, открытый ею переворотъ въ области метафизическихъ идей съ политическимъ переворотомъ, который возвѣщалъ соціализмъ, въ чемъ Герценъ опять сходился съ Бѣлинскимъ. Но Грановскій съ горечью въ душѣ, уже тронутой сомнѣніями, отбивался отъ того послѣдняго слова, которое требовали у него друзья по поводу всѣхъ подобныхъ явленій, и не говорилъ его, силясь сохранить подъ собой историческую, конкретную основу существованія, подмываемую со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, послѣ одного горячаго спора онъ заявилъ, что не можетъ болѣе идти съ прежними товарищами въ томъ направленіи, какое было усвоено ими, и вынужденъ отдѣлиться отъ нихъ"...

Въ послѣдніе годы своей жизни Бѣлинскій бывалъ на собраніяхъ у Петрашевскаго, и только смерть избавила его отъ заключенія въ Петропавловской крѣпости, гдѣ ему уже былъ приготовленъ „тепленькій казематъ". Нужно замѣтить однако, что къ этому времени во взглядахъ его намѣчается новый поворотъ, который выдѣляетъ его изъ рядовъ фурьеристовъ.

Раньше онъ, какъ и большинство русскихъ соціалистовъ, подъ вліяніемъ критики буржуазнаго строя со стороны западныхъ утопистовъ, отрицалъ всякую положительную роль за буржуазіей и, возлагая всѣ надежды на народъ, относился отрицательно къ его участію въ политическомъ движеніи. Такъ, въ статьѣ по поводу романа Е. Сю: „Парижскія тайны", относящейся къ 1844 г., Бѣлинскій слѣдующимъ образомъ характеризуетъ іюньскую революцію: „Королевскими повелѣніями въ 1830 г. была измѣнена французская хартія; рабочій классъ въ Парижѣ былъ искусно приведенъ въ движеніе партіей средняго сословія (bourgoisie). Между народомъ и королевскими войсками завязалась борьба. Въ слѣпомъ и безумномъ самоотверженіи народъ не щадилъ себя, сражаясь за нарушеніе правъ, которыя нисколько не дѣлали его счастливѣе и слѣдовательно такъ же мало касались его, какъ и вопросъ о здоровьѣ китайскаго богдыхана... Когда дѣло было кончено ревностью народа, представители (націи) повыползли изъ своихъ норъ и по трупамъ ловко дошли до власти, оттерли отъ нея всѣхъ честныхъ людей и, загребая жаръ чужими руками, преблагополучно стали грѣться около него, разсуждая о нравственности. А народъ, который въ безумной ревности лилъ кровь за слово, за каждый пустой звукъ, котораго значенія самъ не понималъ, что же выигралъ себѣ этотъ народъ? Увы! Тотчасъ же послѣ іюльскихъ происшествій этотъ бѣдный народъ съ ужасомъ увидѣлъ, что его положеніе не только не улучшилось, но значительно ухудшилось противъ прежняго... У насъ, въ Россіи, гдѣ выраженіе „умереть съ голоду" употребляется какъ гипербола, потому что въ Россіи не только трудолюбивому бѣдняку, но и отъявленному лѣнтяю-нищему нѣтъ рѣшительно никакой возможности умереть съ голоду, — не всѣ повѣрятъ безъ труда, что въ Англіи и во Франціи голодная смерть для бѣдныхъ—самое возможное и нисколько не обыкновенное дѣло"...

Но впослѣдствіи Бѣлинскій уже иначе относится къ вопросамъ политики и не довольствуется такимъ огульнымъ осужденіемъ буржуазіи. „Кто же не бур-

жуа? — спрашиваетъ онъ въ письмѣ къ Боткину въ дек. 1847 г., говоря о письмахъ Герцена изъ-за границы. — Развѣ ouvrier, орошающій собственнымъ потомъ чужое поле. Всѣ теперешніе враги буржуазіи и защитники народа также не принадлежатъ къ народу и также принадлежатъ къ буржуази, какъ и Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ. Вотъ съ точки зрѣнія этой неопредѣленности и сбивчивости въ словѣ буржуази письма Герцена sont attaquables (легко уязвимы)... Не на буржуази вообще, а на большихъ капиталистовъ надо нападать, какъ на чуму и холеру современной Франціи.“ „Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? — пишетъ онъ Анненкову 15 февр. 1848 г. — Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я, въ спорахъ съ вами о буржуазіи, называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ (т. е. Бакунинѣ) сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысль какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная аркадская мысль?... Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави-де Богъ Россію отъ буржуази. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуази. Польша лучше всего доказала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами.“

Для лучшаго пониманія мысли Бѣлинскаго приведемъ еще одинъ отрывокъ изъ вышеприведеннаго письма къ Боткину.

„Въ Англіи среднее сословіе контрбалансируется аристократіей, оттого англійское правительство столь же государственно, величаво и славно, сколько французское мизерабельно, низко, пошло, ничтожно и позорно. Кончится время аристократіи въ Англіи, народъ будетъ контрбалансировать среднему классу, а не то —

Англія представитъ собой, можетъ быть, еще болѣе отвратительное зрѣлище, нежели какое представляетъ теперь Франція. Я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые утверждаютъ за аксіому, что буржуази — зло, что ее надо уничтожить, что только безъ нея все пойдетъ хорошо. Такъ думаетъ нашъ нѣмецъ — М. (Бакунинъ); такъ или почти такъ думаетъ Луи-Бланъ. Я съ ними соглашусь только тогда, когда на опытѣ увижу государство, благоденствующее безъ средняго класса, а какъ пока я видѣлъ только, что государства безъ средняго класса осуждены на вѣчное ничтожество, то и не хочу заниматься рѣшеніемъ а пріори такого вопроса, который можетъ быть рѣшенъ только опытомъ... Я знаю, что промышленность—источникъ великихъ золъ, но знаю, что она же — источникъ и великихъ благъ для общества. Собственно, она — только послѣднее: зло во владычествѣ капитала, въ его тиранніи надъ трудомъ."

Мысль, что при тогдашнихъ условіяхъ русской дѣйствительности, т. е. при господствѣ натуральнаго хозяйства, народъ, или — говоря иными словами — крестьянство, не можетъ освободить себя, т. е. что изъ его нѣдръ не можетъ вырасти серьезное сознательное экономическое и политическое движеніе, по существу своему была, несомнѣнно, правильна. Подчеркивая далѣе прогрессивную роль буржуазіи при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ и утверждая, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи неразрывно связанъ съ ростомъ торговли и промышленности и образованіемъ у насъ буржуазіи въ европейскомъ смыслѣ слова, Бѣлинскій былъ также правъ и глядѣлъ гораздо дальше, чѣмъ не только Бакунинъ или другіе соціалисты 40-хъ годовъ, но и наслѣдовавшіе имъ народники послѣдующихъ трехъ десятилѣтій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Бѣлинскій энергично выдвигаетъ теперь на очередь вопросъ о гарантіяхъ личности и собственности, т. е. о необходимости установленія у насъ правового порядка. „Россія видитъ свое спасеніе,— писалъ онъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю,— не въ мистицизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности, въ пробужденіи въ

народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязномъ навозѣ. Ей нужны права и законы, сообразные съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности выполненіе ихъ. А вмѣсто того она представляетъ собой ужасное зрѣлище, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на то и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждающіе, что негръ не человѣкъ. Это страна, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками, Ваньками, Степками, Палашками; страна, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромная корпорація различныхъ служебныхъ воровъ и грабителей. Самые живые современные національные вопросы въ Россіи теперь — уничтоженіе крѣпостного права и отмѣненіе тѣлесныхъ наказаній, введеніе по возможности строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть"...

Правда, политическія требованія или, вѣрнѣе, пожеланія Бѣлинскаго были довольно скромны, но насъ здѣсь интересуетъ сейчасъ не столько подробности программы, сколько общее направленіе его мыслей. Симпатіи его были, конечно, всецѣло на сторонѣ народныхъ массъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что появленію ихъ на исторической сценѣ должно предшествовать усиленіе средняго сословія (буржуазіи) въ Россіи. Вотъ почему мысль о возможности нарожденія ея у насъ, а также объ успѣхахъ цивилизаціи въ европейскомъ смыслѣ, не пугала, а радовала его, какъ залогъ нашего будущаго развитія, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ несомнѣнно значительно ближе къ позднѣйшимъ марксистамъ, чѣмъ къ соціалистамъ 40-хъ годовъ или послѣдующимъ народникамъ...

Съ отъѣздомъ Герцена за границу московскій кружокъ распался и съ нимъ вмѣстѣ заглохли и сѣмена сенъ-симонизма. Когда строгости цензуры ослабѣли и явилась возможность—со второй половины 50-хъ годовъ—обсуждать на страницахъ журналовъ многіе запретные раньше вопросы, Н. Г. Чернышевскій въ „Современникѣ" впервые познакомилъ широкую публику съ новыми

соціально-экономическими теоріями, которыя онъ защищалъ отъ нападокъ „экономистовъ отсталой (господствующей) школы“ съ необыкновенной энергіей и большимъ блескомъ. Но не всѣ онѣ пользовались его симпатіями и признаніемъ. До сихъ поръ русская интеллигенція воспринимала новыя теоріи пассивно и безъ разбора. Чернышевскому предстояло теперь произвести имъ критическую оцѣнку.

Относясь съ уваженіемъ къ личности Сенъ-Симона, Чернышевскій считалъ его систему въ корнѣ ошибочной. Уже въ рецензіи на книгу Гакстгаузена мимоходомъ подчеркивается, что „въ наше время говорить о сенъ-симонизмѣ — то же самое, что говорить о какой-нибудь системѣ физіократовъ или меркантилистовъ; все это дѣла минувшихъ дней, дѣла „временъ очаковскихъ и покоренія Крыма.“ Болѣе подробно онъ останавливается на этомъ предметѣ въ статьѣ о процессѣ Менильмонтанскаго семейства, помѣщенной въ „Современникѣ“ за 1860 г. Основными положеніями сенъ-симонизма онъ считаетъ слѣдующія: человѣчество идетъ къ учрежденію всеобщей ассоціаціи, основанной на любви; оно идетъ къ тому, чтобы каждый получалъ по своей способности, а каждая способность по своимъ дѣламъ, и, наконецъ, къ организаціи промышленности. По мнѣнію Чернышевскаго, человѣчество, дѣйствительно, идетъ къ замѣнѣ товариществомъ или союзомъ той вражды, которая въ современной промышленной жизни принимаетъ видъ конкуренціи. Но не любовь ляжетъ въ основу такого союза, а выгода, расчетъ.

„Любовь только въ рѣдкія минуты и только въ немногихъ, особенно способныхъ къ экзальтаціи, людяхъ беретъ верхъ надъ расчетомъ, да и то можетъ побѣждать его только въ одномъ, двухъ отдѣльныхъ фактахъ, а общій характеръ дѣйствій все-таки остается подъ властью расчета или рутины, обычая, т. е. того же расчета, только сдѣланнаго не лично нами, а цѣлымъ обществомъ, и сдѣланнаго не въ эту минуту, а давнымъ-давно и усвоившагося нами по воспитанію.“ Что касается второго принципа, то онъ кажется ему явно несправедливымъ. Въ такомъ случаѣ Ньютонъ

.долженъ былъ бы получить сотни милліоновъ, а какой-нибудь учитель ариѳметики въ приходской школѣ долженъ оставаться нищимъ. „Если общество располагаетъ такими средствами, что за достаточнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ законныхъ потребностей каждаго человѣка, остается у него излишекъ, пусть оно распредѣляетъ этотъ излишекъ на какомъ ему угодно основаніи... но прежде всего каждый человѣкъ имѣетъ право на удовлетвореніе своихъ человѣческихъ потребностей.“ Не удовлетворяетъ его и третья форма сенъ-симонистовъ — организація промышленности. Такая организація, конечно, возможна, необходима и даже неизбѣжна. Вопросъ въ томъ только, какимъ способомъ прійти къ ней и какъ ее поддерживать. Ученики Сенъ-Симона извлекли этотъ способъ изъ фальшивой идеализаціи католицизма. Они хотѣли дѣйствовать авторитетомъ и хотѣли, чтобы выдуманныя ими правила исполнялись не по расчету или убѣжденію въ ихъ основательности, а по уваженію и преданности къ людямъ, провозглашающимъ эти правила и повелѣвающимъ хранить ихъ. Мало того: они думали, что люди, облеченные властью, будутъ стоять выше всякихъ правилъ, подобно тому, какъ воля папы была, по ихъ мнѣнію, верховнымъ закономъ для католиковъ въ средніе вѣка. Для Чернышевскаго это представляется очевидной нелѣпостью.

„Мы вовсе не сочувствуемъ той формѣ стремленія къ общественнымъ реформамъ, которая называется сенсимонизмомъ, — такъ резюмируетъ онъ свое отношеніе къ послѣднему. — Это ученіе кажется намъ галлюцинаціей, сформировавшейся изъ ошибочной идеализаціи католицизма и, кромѣ того, носившей какой-то приторный характеръ изящной аристократичности, аффектирующей замашки сентиментальнаго демократизма. Это были свѣтскіе люди, хотѣвшіе не терять своего щегольства, накидывая на себя мужичество. Они напоминаютъ намъ золотой лапоть, лежащій, какъ говорятъ, на рабочемъ столѣ одного изъ нашихъ милліонеровъ, разыгрывающихъ роль русскаго мужичка, напоминаютъ фантастическій бархатный костюмъ, въ которомъ щеголяютъ нѣкоторые наши поклонники народ-

Академія Наукъ СССР

ности, имѣющіе съ нашимъ народомъ гораздо меньше общаго, нежели всякій французъ или нѣмецъ. Сенсимонизмъ смѣшитъ нашъ разсудокъ своей фантастичностью, возмущаетъ наше чувство своимъ благонамѣреннымъ іезуитизмомъ, своею апотеозою авторитета, своими поползновеніями къ артистичности. Балетная танцовщица можетъ быть очень хороша на своемъ мѣстѣ, но она стала бы противна, если бы, выдѣлывая свои антраша, говорила намъ о страданіяхъ бѣднаго мужика. Но, называя приторной ту форму, которую имѣло первое проявленіе мысли о преобразованіи общества, мы, конечно, должны цѣнить историческую важность этого перваго ея проявленія. Оно важно, какъ признакъ того, что пришла пора обществу заниматься идеями, выразившимися на первый разъ въ этой неудовлетворительной формѣ. Скоро мы увидимъ, что онѣ стали проявляться въ формахъ болѣе разсудительныхъ и доходить до людей, у которыхъ бываютъ уже не восторженной забавой, а дѣломъ собственной надобности, а когда станетъ разсудительно заботиться о своемъ благополучіи тотъ классъ, съ которымъ хотѣли играть кукольную комедію сенсимонисты, тогда, вѣроятно, будетъ лучше ему жить на свѣтѣ, чѣмъ теперь."

Этой болѣе совершенной формой было, по мнѣнію Чернышевскаго, ученіе другого великаго французскаго соціалиста — Фурье, которое дѣйствительно оставило у насъ гораздо болѣе глубокій слѣдъ, какъ это будетъ показано въ слѣдующемъ выпускѣ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Т-ва „Н. П. КАРБАСНИКОВЪ"
ПЕТРОГРАДЪ, Гостиный дв., 19. | МОСКВА, Моховая, 24.

Типографія Юргельгенъ, Гличъ и Ко. Петроградъ, Екатерингофскій. пр., 87.